

306 мм

ВОЙНА Цѣна отд. № 15 коп. На ст. жел. д. 20 коп. **НОВЫЙ** **САТИРИКОН**

№ 33

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1915
13 АВГУСТА.

ЗА РАБОТОЙ.

Всѣ слои общества съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія встрѣтили создание Верховной слѣдственной комиссіи.

(Изъ газетъ).

Рис. А. Радакова.

Омида: — Ого! Это, кажется, не стрѣлочникъ, что-то покрупнѣе... Только бы не сорвался.

Въ связи съ постановленіемъ Синода призвать православные монастыри усугубить жертвы и труды для удовлетворенія нуждъ, вызванныхъ войной, митрополитъ Макарій, согласно распоряженію оберъ-прокурора Синода А. Д. Самарина, предписалъ немедленно выяснитъ, какое количество раненыхъ московскіе монастыри могутъ помъститъ въ своихъ стѣнахъ. Съ этой целью члены московской консисторіи начали объездъ всѣхъ монастырей Московской епархіи.

Монастыри чрезвычайно слабо откликнулись съ самаго начала войны на нужды переживаемого времени.

Только нѣсколько изъ нихъ учредили небольшіе госпитали и лазареты, при чемъ большинство послѣднихъ содержится на счетъ города. Въ Московской епархіи 1,223 прихода, изъ которыхъ только два имѣютъ лазареты.

Въ епархіи 5 ставропигіальныхъ и 45 епархіальныхъ монастырей. Въ одной Москвѣ 146 монастырскихъ домовъ и 32 монастырскихъ подворья, гдѣ имѣется свыше 100 церковныхъ домовъ. Все это — огромныя помъщенія, а между тѣмъ въ Москвѣ ощущается острая нужда въ помъщеніяхъ для раненыхъ. Доходы московскихъ князей церкви достигаютъ колоссальныхъ цифръ. Иверская часовня принадлежитъ Перервинскому монастырю, и разномыконы даютъ свыше 200,000 руб. въ годъ. Московскій митрополитъ, состоящій настоятелемъ Троице-Сергіевой лавры, Перервинскаго монастыря и Чудова монастыря, получаетъ теперь около 240,000 руб. въ годъ. Помъщенія Троице-Сергіевой лавры — гостиницы, подворья — даютъ въ годъ свыше 100,000 руб. дохода.

(Изъ хроники газетъ.)

КРАТКІЙ КУРСЪ ГУБЕРНАТОРОВЪДВІЯ.

(Историческій обзоръ для администраторовъ старшаго возраста.)

1812—1840 гг.

Когда появился на землѣ первый губернаторъ, — сіе въ точности неизвѣстно. Ученые до сихъ поръ спорятъ объ этомъ.

Основываясь на, такъ называемомъ, «черемисскомъ камнѣ», ученые утверждаютъ, что губернаторы были еще въ диллювіальную эпоху. Ибо уже въ то время была на землѣ жирная снѣдь и руки, которыя преподносили съ любовью эту снѣдь достойному. Этотъ достойный и былъ губернаторъ (по Дарвину).

1600 г.

Въ сіе время губернаторъ назывался воеводою. Направляясь съ челядью своей на мѣсто службы, онъ посылалъ телеграмму:

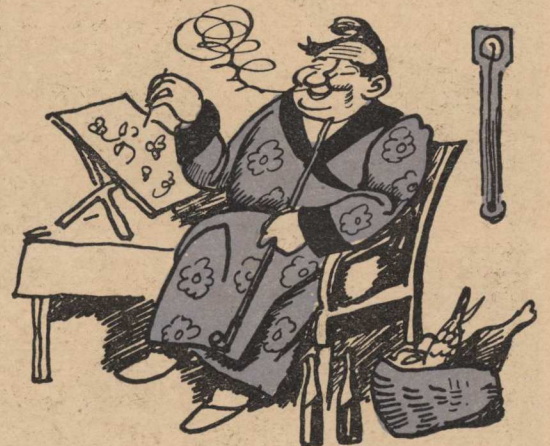
грамотность въ смердовъ внѣдрить, прописывалъ имъ ижицу.

«Иду на вы, готовьте питія и яства», но смерды грамотѣ не разумѣли и питій не готовили. «И бысть имъ за сіе вольнодумство великій потокъ и разграбленіе», — повѣствуетъ лѣтописецъ, — ибо воевода, чтобы

По понятной скромности, присущей всѣмъ людямъ, о людяхъ еще нынѣ здравствующихъ умолчу или скажу съ великой осторожностью. Многие изъ нихъ, ревнуя о службѣ своей, воедино соединили нѣкоторыя качества и помпадуровъ, и воеводъ, и по тюлю вышивающихъ. Сей собирательный типъ правителя — нѣкоторыми лѣвыми листками былъ названъ «сатрапомъ», а мѣсто правленія его — «Сатрапей»...

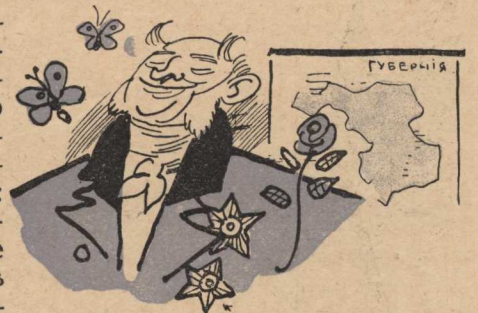
Смягченіе нравовъ проникло и въ среду градоправителей. Многие изъ нихъ даже пеклись о равноправіи женщинъ,

а посему, подготавливая женщину къ общественной дѣятельности, передали въ руки женъ своихъ (а развратные — въ руки амантъ) тяготы служебныя, а сами занялись вышиваніемъ по тюлю, о чемъ повѣствуетъ знаменитый сатирикъ нашъ Н. В. Гоголь, и ограничили служебную дѣятельность свою принятіемъ добродетельныхъ даяній благодарныхъ обывателей. Время сіе многими обывателями воспоминается со слезой благодарности и умиленія.

1840—1880 гг.

Въ сіе время появилась разновидность губернаторовъ, названная господиномъ Щедринымъ «помпадурами». «Настало время сумное», — пишетъ лѣтописецъ, — «сіи помпадуры, мудрыхъ совѣтчиковъ уволя, свою собственную ногу въ санъ совѣтника возвели и вопрошали ее постоянно: «Чего моя нога хочеть?!». И повело сіе къ великой разрухѣ и запустѣнію». Многие изъ нихъ были столь твердаго нрава, что даже къ преклоннымъ годамъ не созрѣли и не смягчились. Примѣръ сему градоправитель Одессы, который такъ и умеръ Зеленымъ.

1900 г.

За послѣднее время многие изъ нихъ, гонимые единственно любознательностью, пошли искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!.. «Сіе показываетъ» говоритъ лѣтописецъ, «что настали новыя вѣянія, кои отнюдь не походятъ на тихіе зефиры, исходящіе отъ вѣера, коимъ правитель, сидя послѣ обильнаго обѣда, лицо свое опахивалъ».

А. Радаковъ.

В О Й Н А.

VIII.

Какъ одинъ.

Я вчера видала изъ окна,
Изъ-за мертвой каменной колонны,
Какъ рядами сѣраго сукна
Проходили мимо эшелоны.
Приподнявши полосы гардинъ,
Я взидала въ непонятномъ страхѣ:
Какъ одинъ, казались, какъ юдинъ...
Тѣ же плечи, руки и папахи!
Я глядѣла молча съ высоты,
Прислонившись къ каменной колоннѣ...
Можетъ быть, прошелъ тогда и ты
Въ этомъ близкомъ, сѣромъ эшелонѣ?

Владиміръ Воиновъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Русскія бумаги поднимаются!

Одна изъ газетъ поднимаетъ свой громкій голосъ по животрепещущему, насущному для всей русской печати вопросу:

Для сознательнаго участія въ войнѣ необходимо и сознательное отношеніе къ событіямъ, и только полное знаніе выковываетъ ту волю къ побѣдѣ, которой недостаетъ широкимъ народнымъ кругамъ и которая теперь нужна всего.

Но до этого, оказывается, очень мало дѣла нашимъ бумажнымъ фабрикантамъ. Въ ихъ слабоумныхъ головахъ, несумѣвшихъ поставить технику бумажнаго производства на должную высоту, зародилась узенькая, но ужасно зловредная мыслишка о повышеніи пошлины на газетную бумагу.

Дѣло въ томъ, что наши журналы и газеты издавна и въ значительномъ количествѣ употребляли финляндскую бумагу, которая во много дешевле русской и много лучше качествомъ.

Казалось бы, чего проще: поднять технику производства и улучшить сортъ русской бумаги. Но русскіе бумажные фабриканты не желаютъ утруждать себя въ этомъ отношеніи и умѣютъ только жаловаться.

И вотъ, въ отвѣтъ на жалобную слезницу русскихъ бумажныхъ фабрикантовъ, финляндскую бумагу обложили высокой пошлиной, около 85 коп. съ пуда.

Вышло маленькое недоразумѣніе: нужно было обложить какъ можно лучше самихъ фабрикантовъ, а обложили ни въ чемъ неповинную бумагу...

Что же дальше? А вотъ:

Вслѣдъ за этимъ русскіе фабриканты тоже на свою дрянную бумагу подняли цѣны на столько, что будто пошлину платятъ они, а не потребители.

Просто — какъ тотъ палецъ, которымъ благодѣтели фабрикантовъ попали въ небо:

И вотъ получилась такая картина: въ то время, какъ за границей газетная бумага обходится въ 1 р. 60 к. за пудъ, у насъ въ Россіи пудъ бумаги стоитъ 3 р. 82 к. плюсъ 50 к., которыя русскіе фабриканты накинудли сверхъ прежней пошлины.

Между тѣмъ, во время войны, необходимо не удорожать, а удешевлять газетную бумагу. За границей это поняли сразу же послѣ начала войны.

Существовавшая во Франціи до войны пошлина на бумагу правительствомъ сразу же была понижена на 50 процентовъ, а затѣмъ и вовсе отменена.

Въ Англіи прекрасная бумага, всегда стоившая около 2 рублей, во время войны упала до 1 р. 50 к.

Въ наше время печать является такимъ могучимъ орудіемъ единенія, такой силой, что всякое покушеніе на нее является дѣломъ антипатріотическимъ, обслуживающимъ только нашихъ враговъ.

Собственно, путемъ печати это трудно втолковать... Нужно взять дубовое или березовое полѣно и начать имъ трудолюбиво и заботливо бить по головѣ...

Балканскіе друзья.

На-дняхъ телеграммы изъ Аѳинъ сообщали, что

сегодня вечеромъ состоится большой митингъ протеста противъ ноты державъ четвернаго согласія. Выступятъ нѣсколько ораторовъ.

Откуда у Германіи столько денегъ берется? Вѣрно

говоритъ пословица: имѣй сто рублей, а сто друзей на Балканахъ найдутся.

Для памяти.

Впрочемъ, Болгарія, это отхожее мѣсто германской дипломатіи, за сто рублей дала не сто, а только трехъ друзей, которые стоятъ гораздо дороже. Конечно, стоятъ они Германіи... Параллельно съ извѣщеніемъ Болгаріи, что она была и будетъ нейтральной, одна изъ столичныхъ газетъ печатаетъ такую корреспонденцію изъ Софіи:

Тому, кто будетъ впоследствии писать исторію болгарскаго нейтралитета, не будетъ недостатка въ фактахъ, иллюстрирующихъ ярко преступный характеръ послѣдняго.

Милліоны килограммовъ шерсти, зерна, всевозможныхъ продуктовъ, болгарскаго сахара, муки, угля, пороха и цемента почти открыто за первый годъ европейской войны были вывезены изъ Болгаріи въ Турцію. Будто бы въ Дедеагачъ посылались по желѣзной дорогѣ черезъ Адрианополь присылаемые изъ Германіи разобранные аэропланы, мины, санитарныя принадлежности, динамитъ и проч.

Будто бы своевольно реквизировали все это адрианопольскія власти. Правительство изъ вида протестовало, а господа Геннадіевы загребали лопатами золото.

На войну отвѣчаютъ войной. На нейтралитетъ — нейтралитетомъ. И у союзниковъ будетъ еще много возможностей впереди предложить Болгаріи свой искренній нейтралитетъ, когда та же оправившаяся черезъ нѣсколько лѣтъ Турція пошлетъ своихъ янычаръ совершить турнѣ по продажному государству...

Незакупленные.

Швейцарскій нейтралитетъ — нѣсколько иного типа: если за балканскіе нейтралитеты нѣмецкимъ дипломатамъ вѣшаются Желѣзные Кресты, то за швейцарскій Вильгельмъ охотно повѣсилъ бы имъ хорошій камень предъ отправленіемъ въ морскую экскурсію.

Одна изъ самыхъ распространенныхъ въ Цюрихѣ газетъ это — „Tageblatt“. Эту газету читаютъ въ каждомъ буржуазномъ домѣ, во всѣхъ магазинахъ, конторахъ...

Въ ней нѣсколько десятковъ строкъ текста и нѣсколько десятковъ страницъ объявленій.

Эта самая газета, никогда не претендовавшая на какую-либо общественную или политическую фізіономію, вдругъ напечатала на первой страницѣ заявленіе вполнѣ опредѣленнаго свойства. Она заявила, что не желаетъ больше печатать объявленій объ извѣстной, написанной нѣмцемъ книгѣ „L'accuse“, такъ какъ редакція завалена протестующими письмами подписчиковъ...

Неужели только одни швейцарскіе юристы понимаютъ, что настоящій нейтралитетъ это та индивидуальная собственность государства, которая не котируется рыночной расцѣнкой...

Аномалія трезваго времени.

Какъ сообщаетъ одна провинціальная газета,

въ с. Мелянды, Уржумскаго у., обнаружена секта „іеговистовъ“ или „сіонской вѣсти“. Ученіе сектантовъ требуетъ отреченія отъ Распятяго и Воскресшаго Христа и возведенія сатаны на равное достоинство съ Богомъ.

Трезвое время, а люди до чорта доходятъ...

Рис. Н. Кузнецова.

(Посвящается страдальцам-перезаменочникам.)

(Посвящается страдальцам-редакторам.)

— Ахъ, чортъ возьми, я опять не приготовилъ урока!

— Гм... интересно знать, что сегодня не пропустила цензура.

(Посвящается не-страдальцу банку для внешней торговли.)

(Посвящается литературным кустарям.)

— Эхъ, если не будетъ у меня хорошаго проводника по мѣстамъ нужнымъ, — грозитъ мнѣ рѣшетка!

— Эхъ, хорошо тому жить, у кого котъ есть!..

АНГЛИИ.

Изъ стали лондонскихъ тумановъ
Страна сковавшая народъ,
Нависшая надъ океаномъ
Арктическихъ свинцовыхъ водъ,

Замкнувшая водами Ганга
Империю въ полярный кругъ,
Ты — въ цѣломъ мѣрѣ иностранка,
Въ брезгливости небрежныхъ рукъ.

Всѣхъ странъ, какъ въ ситѣ, съешь въ Сити
Посѣвы золота тебѣ...
О, вѣрить ли? — Просилъ: «пустите»,
Левъ, заскучавшій на гербѣ

Волной пролива, что отрѣзалъ
Тебя отъ нихъ, къ нимъ бросилъ въ даль,
Какъ на тебя когда-то — Цезарь
Своихъ когортъ гранитъ и сталь, —

Чтобъ въ полдень полутемныхъ лавокъ
И въ тѣнь фламандскихъ мастеровъ
Внести ликующую славу
Второго солнца Ватерлоо;

Чтобъ на глухой, въ надменной силѣ,
На вздохъ Потсдамскаго Орла,
Какъ на расцвѣтъ Бурбонскихъ лилій,
Рука спокойная легла.

Твои побѣды — въ общемъ кличѣ —
Сквозь сизый и нависшій дымъ,
Какъ за шагами Беатриче —
Суровый Данте, мы слѣдимъ.

Вы, дѣти холода и спорта,
Не изъ объятій рождены,
Но вмѣстѣ съ нами распростерты
На огневомъ крестѣ войны.

Конст. Большаковъ.

ПИСЬМО КЪ ГОГОЛЮ.

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Я очень и очень извиняюсь, что до сихъ поръ не собрался отвѣтить на Ваше письмо, тѣмъ болѣе, что въ немъ заключалась просьба... Вы просите меня сообщить Вамъ, гдѣ всѣ Ваши. Не знаю, сумѣю ли я Вамъ отвѣтить, до того ихъ много и до того они разбросаны по всѣмъ угламъ нашей жизни. Я бы, можетъ быть, такъ и не собрался Вамъ отвѣтить, если бы не очередная статья Вашей унтеръ-офицерской вдовы Пошлепкиной, которая сама себя сѣчетъ въ «Новомъ Времени» за недавнюю привязанность къ нѣмцамъ. Старуха мнѣ и напомнила о Вашей просьбѣ...

О хромомъ чортѣ, который, какъ Вы помните, краль у сонныхъ казаковъ куски сала, люльки и нашептывалъ во время сна разныя нелѣпости, — думаю, писать не стоитъ. Онъ живъ, здоровъ и сейчасъ занятъ разсказами объ эвакуации Москвы и Харькова. Работаетъ больше по ночамъ, пугаетъ людей, недавно купившихъ мебель, занятыхъ постоянной службой, и очень любитъ разсказывать о томъ, какъ

нѣмцы быстро подвозятъ осадныя орудія. Его нѣсколько разъ штрафовалъ градоначальникъ и стыдили знакомые, но, за отсутствіемъ занятого времени, онъ ничѣмъ больше заниматься не можетъ. Третьяго дня онъ явился къ Коробочкѣ и далъ честное слово, что нѣмцы осаждаютъ Тверь. Бѣдняга должна была уѣхать въ Иркутскъ...

Недавно встрѣтилъ Пацюка. Видъ хорошій. До войны онъ былъ гдѣ-то предсѣдателемъ патриотической организаціи и письменно предлагалъ правительственнымъ учрежденіямъ заложить своихъ женъ и дѣтей и положить животь за отечество. Съ объявленіемъ войны мысль потерять животь окончательно покинула его. Занимается подрядами, открылъ мясную лавку и гдѣ-то сталъ даже предсѣдателемъ мясной биржи. Большую часть дня богатѣетъ, свободное время удѣляетъ мыслямъ о еврейскихъ погромахъ.

Басаврюка, который днемъ дарилъ кольца, а ночью являлся, чтобы отобрать ихъ, — не видѣлъ. Должно быть, возится съ семействомъ кайзера и уходитъ къ утру тяжело нагруженнымъ. Хотя есть ему работа и у насъ — съ понижателями курса рубля: тоже по ночамъ, навѣрное, отнимаетъ.

Сквозникъ-Дмухановскій получилъ предложеніе объ отставкѣ. Ужасно удивленъ.

— Что значить курсъ?! — спрашивалъ онъ меня. — Пусть курсъ мѣняется, а меня-то зачѣмъ мѣнять?..

Не дай Богъ, если оставятъ... Недавно у него въ городѣ собрался комитетъ промышленниковъ для помощи государству. Тюрьмой грозился. Сегодня, говоритъ, комитетъ устройте, а завтра — учредительное собраніе: я человекъ неграмотный, сразу понять не смогу, а потомъ отписывайся изъ-за васъ.

Получилъ открытку отъ Манилова. Живетъ по-старому. Бѣдные, говоритъ, солдатики. Бѣдные бѣженцы. Иногда слеза прошибаетъ. «Впрочемъ, пишетъ, я вчера десять копеечекъ въ кружку опустилъ для раненыхъ и теперь ничего, легче на душѣ стало».

Черевикъ вернулся ужъ съ Сорочинской ярмарки и теперь въ Думѣ съ октябристами сидитъ. Славный парень, только отъ свитки, купленной у какого-то праваго депутата, отвязаться не можетъ... Захочетъ покрѣпче заговорить, а кругомъ свинья рыла показываются...

Солоха Ваша не у дѣлъ. Все время у нея былъ великосвѣтскій салонъ, дѣлавшій политику, но Вакула разогналъ всю публику, которую Солоха прятала по мѣшкамъ, да и такъ многіе коситься начали. Летай, моль, матушка, изъ трубы, шепчись съ чертями, только чтобы ужъ кругомъ чисто было. Даже дьякъ, ходившій ради прелестей Солохи, узнавъ о перемѣнѣ въ Синодѣ, сталъ заниматься своимъ дѣломъ...

У непредусмотрительнаго Вакулы дѣло съ Оксаной разладилось — ходитъ Оксана безъ черевичекъ. Совсѣмъ было ужъ согласилась взять ихъ, да вспомнила, что двухъ гербовыхъ марокъ Вакула не приклеилъ къ нимъ — отказалась...

Аванасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна Вамъ кланяются. Недавно написалъ имъ, что у насъ война, — не повѣрили. «Стариковъ, пишутъ, испугать хочешь; зачѣмъ, батюшка?»

Тарасъ дерется... Пишетъ, что есть еще порохъ въ пороховницахъ. Получилъ Георгія. Ждетъ, что ему напишутъ изъ Россіи.

Съ Хомой Брутомъ — та же исторія, не утомился парень. Вздумалъ одну покойницу отчитывать, а покойница со связями была — налетѣла нечисть, полетѣли отъ парня пухъ и перья... А вѣдь на съѣздѣ промышленниковъ отчитывалъ...

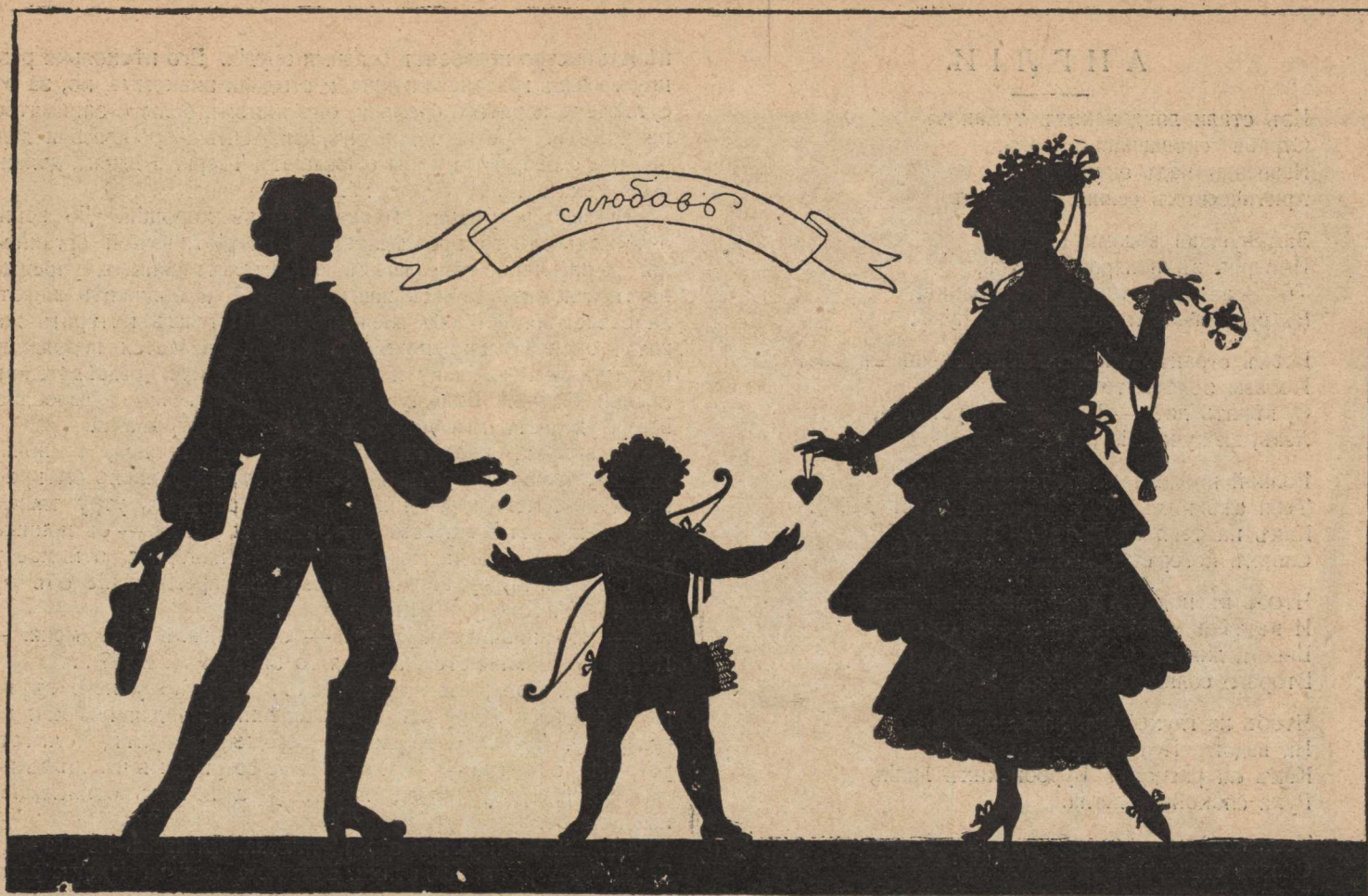
Ө. Харибдовъ.

— Какъ?! Вы мнѣ предлагаете за портретъ 100 рублей?! Нѣтъ-съ, милостивый государь. Меньше чѣмъ за тысячу рублей я портретовъ не пишу, это мое правило...

— И много вы такихъ портретовъ напишете въ годъ?
— Штукъ тридцать!

— Благодарю васъ! Мнѣ только это и нужно было знать. Я собираю свѣдѣнія для подоходнаго налога...

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЙ РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ХРЕ- СТОМАТИИ.

Разсказъ Аркадія Аверченко.

Если у кого-нибудь и было хорошее настроеніе въ этотъ мокрый, дождливый вечеръ, такъ это у Черноухова.

Я даже удивился: какъ это въ одномъ человѣкѣ можетъ столько хорошаго настроенія помѣщаться.

Спросилъ его:

— Что съ тобой?

— Никому не скажу, а тебѣ скажу, — потирая руки, усмѣхнулся Черноуховъ. — Я въ родѣ какъ двѣсти тысячъ выигралъ!..

— Въ родѣ — это не то. Ну?

— Знаешь моего пріятеля Кутькина?

— Ну, кто же не знаетъ Миши. Ну?

— Никому не скажу, а тебѣ скажу: знаю, что ты моей женѣ не расскажешь...

— Ну?

— Вчера я съ женой Миши ужиналъ, а потомъ... гм!..

Ну, ты, конечно, понимаешь: совершилось и все остальное.

— Почему же ты такъ радуешься?

— Какъ же мнѣ не радоваться, чудакъ!

И философически объяснилъ:

— Всякій человѣкъ радуется, когда подложитъ свинью своему пріятелю...

Молча, задумчиво прошелся я по комнатѣ.

Поднялъ голову... Тихо сказалъ:

— Ты вотъ радуешься, сдѣлавъ пріятелю подлость. А я, представь себѣ, не радуюсь!

— Что жъ тебѣ... Мишу жалко? — спросилъ притих-
шій Черноуховъ.

— Я не о немъ говорю. Я о себѣ говорю... Я, значить, другой человѣкъ. Если бы ты зналъ, сколько я мучился, терзалъ себя, проклиналъ и бичевалъ, не находя нигдѣ успокоенія!..

— За что ты... себя терзалъ?

— Тяжело говорить, да ужъ все равно! Знай, Черноуховъ: то, что ты сдѣлалъ въ отношеніи Кутькина, я сдѣлалъ въ отношеніи тебя!

— Ты... хочешь... сказать...

— Да, — покачалъ я головой, тяжело вздохнувъ, — я съ твоей женой, Зоей Яковлевной, въ такихъ же отноше-
ніяхъ, какъ ты — съ женой Кутькина.

Сжавшись въ комокъ, какъ хищное животное для прыжка, Черноуховъ ринулся ко мнѣ, но на порогѣ остановился, поблѣднѣвшій, съ дрожащей челюстью и глазами, горящими, какъ свѣчки.

— Ты... лжешь!

— Успокойся. Если бы я зналъ, что это тебя такъ взволнуетъ, я бы не говорилъ тебѣ.

— Какъ это вамъ нравится? — взвизгнулъ Черноуховъ. — Человѣкъ сообщаетъ, что онъ возлюбленный моей жены, да еще и удивляется: почему я волнуюсь!

— Въ другое время я бы тебѣ ничего и не сообщилъ; но разъ ты самъ мнѣ признаешься, что измѣнилъ женѣ, я рискнулъ тебѣ... тоже признаться! Ну, поквитались мы, значить — и больше ничего.

— То-есть, какъ это — поквитались? Ты-то тутъ при чемъ?! Если у насъ и есть съ кѣмъ-нибудь счеты, то съ Кутькинымъ, а не...

— Значить, по-твоему, выходитъ такъ: ежели бы твоя жена оказалась возлюбленной Кутькина, то ты бы ничего не имѣлъ, а если я, такъ... не понимаю! — обиженно отвернулся я. — Значить, выходитъ, что ему все можно, а мнѣ ничего нельзя... Значить, выходитъ, я не человѣкъ, а собака? Значить, выходитъ, что Кутькинъ лучше меня?

— Подлецъ ты — вотъ ты кто! Обмануть меня, — меня, который...

— Да вѣдь ты тоже Кутькина обманулъ. А между вами отношенія такія же, какъ между мной и тобой...

Онъ ходилъ по комнатѣ, ломая руки.

— А она! Она!.. У-у, змѣя... Я ей этого никогда не прощу!

— Кому?

— Не строй дурака! Зоѣ.

— Странная у тебя мораль. Готтентотская какая-то. Ты женѣ можешь измѣнять, а она тебѣ не можетъ.

— Измѣна женщины одно, а мужчины — другое... Муж-чина измѣняетъ такъ себѣ, вскользь... А женщина! Из-мѣна женщины это что-то такое большое, ужасное и невѣ-
роятно подлое.

Я вынулъ изъ кармана пилочку и сталъ спокойно подпи-
ливать ногти.

— Возможно, что это и такъ. Однако же ты подбилъ
жену Кутькина на это большое, ужасное и невѣроятно подлое.

— Мнѣ нѣтъ до нея дѣла! Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что
дѣлается въ другихъ семьяхъ! А моя семья должна быть
чиста.

— Ну, вот: ты такъ разсуждалъ въ отношеніи Кутькина, а я точно такъ разсуждалъ въ отношеніи тебя.

Онъ долго бѣгалъ по комнатѣ, хватая себя за волосы самымъ забавнымъ образомъ. Бросился ко мнѣ, довя мои руки:

— Но вѣдь ты же пошутилъ, сознайся, да? Ты просто хотѣлъ меня напугать, посмѣяться надо мной, сознайся, да?

— Увы!..

— Такъ будь же ты проклятъ, вотъ что я тебѣ скажу! И еще я тебѣ вотъ что скажу: я это все выдумалъ, насчетъ жены Кутькина, нахвасталъ. Понимаешь? Ничего между нами не было, а я просто хотѣлъ тебя... гмъ... удивить. Ну-съ? Что ты теперь скажешь?!

— А что? — спросилъ я простодушно.

— Значить, въ то время, когда я былъ чистъ въ отношеніи Кутькина, какъ декабрьскій снѣгъ, — ты обманывалъ меня самымъ подлымъ образомъ?! Ты вторгся въ нашу семью и...

Я упалъ въ кресло и залился смѣхомъ...

— А что? Попался? Такъ тебѣ и надо! Подѣломъ!

— Постой, постой, — радостно засуетился Черноуховъ. — Значить, если я такъ понялъ...

— Ну, конечно же, конечно! Все я выдумалъ отъ слова до слова. Ты выдумалъ, и я выдумалъ. И я первый перерѣжу горло тому, кто осмѣлится бросить тѣнь на достойнѣйшую Зою Яковлевну!

— Фу, ты, анаема! А вѣдь я уже хотѣлъ тебя... тово...

Черноуховъ внимательно, испытующе поглядѣлъ на меня и снова заметался.

— Постой... а ты не врешь мнѣ? Не успокаиваешь? Дай мнѣ честное слово, что ты все выдумалъ.

— О, пожалуйста, — искреннимъ тономъ подхватилъ я. — Даю тебѣ честное слово и клянусь жизнью матери моей, что жена твоя, Зоя Яковлевна, мнѣ чужая.

* * *

Если у кого-нибудь и было хорошее настроеніе въ этотъ мокрый, дождливый вечеръ, такъ это у Черноухова.

Онъ упалъ въ другое кресло и смѣялся такъ долго, что мнѣ даже надоѣло.

— Ой, уморилъ! Ой, голубчикъ. Вѣдь я тебя подцѣпилъ, простофилю!

Я смотрѣлъ на него широко открытыми глазами.

— Подцѣ... пилъ?

— Ну, конечно! Самымъ естественнымъ образомъ. Мнѣ только нужно было убѣдиться, что ты подшутилъ насчетъ моей жены! А когда я успокоился, такъ я тебѣ теперь снова скажу: Бѣдный Миша!

— Значить, жена Кутькина...

— Ну, конечно! Въ прошлую среду. Долго она боролась сама съ собою, да вѣдь Черноуховъ, братъ, тоже не дуракъ, хе-хе.

— Ты не дуракъ, а свинья, — пробормоталъ я, чрезвычайно раздосадованный. — И пожалуйста, не смѣйся у меня надъ ухомъ своимъ тупымъ самодовольнымъ смѣхомъ.

— Да какъ же мнѣ не смѣяться, братецъ ты мой?... Да я... ха-ха-ха... ха-ха...

Уходя отъ меня, онъ въ послѣдній разъ поглядѣлъ въ мои глаза чрезвычайно лукаво, хихикнулъ и скрылся за дверью.

Черезъ минуту дверь снова приоткрылась. Выглянуло сіяющее лицо Черноухова.

— Миша-то, Миша, — запищалъ онъ сквозь приступъ смѣха. Хлопнулъ дверью и ушелъ.

* * *

Когда его шаги затихли на лѣстницѣ, я снялъ телефонную трубку и позвонилъ.

— Алло! 342—516. Мерси. Зоя Яковлевна? Здравствуйте. Я вамъ что-то долженъ сказать. Вы вѣрите моему честному слову? Спасибо. Когда я хотѣлъ васъ тогда, въ прошлую среду (помните?) поцѣловать, вы вырвались и сказали, что пока вашъ мужъ вамъ вѣренъ, то и вы ему вѣрны. Такъ вотъ: даю вамъ честное слово, что мужъ вашъ измѣнилъ вамъ. Что? Кутькина. Знаете? Да. Что? Я сейчасъ говорю изъ дому. Что? Буду дома все время. Хорошо. Жду.

Арк. Аверченко.

ВЪ НОЧНОЙ ЧАЙНОЙ.

Вы что, сосѣдъ, нахмурили такъ очи?

Иль, какъ и мнѣ, вамъ опостылѣлъ свѣтъ?

Залейте грусть ханжой... Вы, кажется, рабочий?

А я, голубчикъ, хуже: я — поэтъ.

Вамъ этихъ дѣвушекъ знакомы лица?

Нѣтъ?... Это — кляксы въ сказкѣ бытія.

За нихъ мнѣ нѣжно хочется молиться, —

Онѣ погибли такъ же, какъ и я.

Какъ на невѣстахъ платья тихо-бѣлы,

Но тѣло грязно, какъ Судьба иль Рокъ.

Несчастныя, — вы въ жизнь пришли несмѣло,

И вотъ затоптаны, какъ маленькій цвѣтокъ.

И всѣ мы призраки, мы бредовые ларвы...

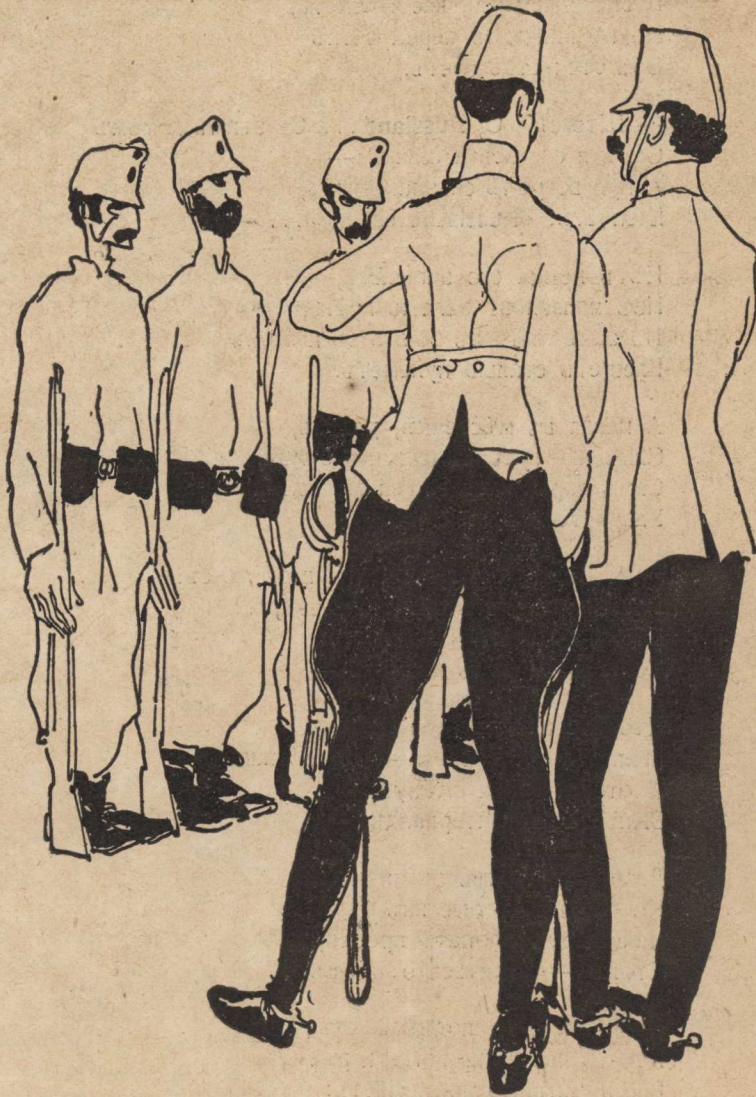
(У васъ въ горчицѣ правая щека), —

Послушайте, мнѣ кажется, столяръ вы?

А не замѣните ли мнѣ гробовщика?

Мих. Андреевъ.

Рис. Вл. Лебедева.

РАЦИОНАЛЬНОЕ ПИТАНІЕ.

Разговоръ австрійскихъ офицеровъ.

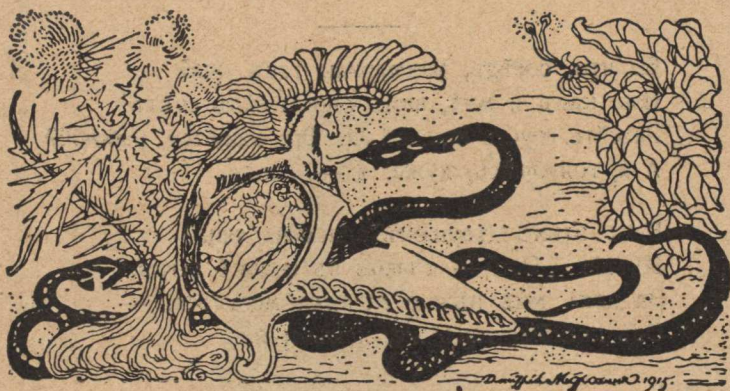
— Что, collega, хорошо у васъ кормятъ солдатъ?

— О, ихъ кормятъ на убой!

— А отчего же они такіе худые и жалкіе?

— Да по этому самому: потому, что ихъ кормятъ на убой.

Рис. Д. Митрохина.

ПЪСЕНКА О ДВОЙНОМЪ ПОДДАНСТВѢ.

У извѣстнаго барона,
Какъ кричить о томъ молва,
Два имѣнья, два закона,
Даже подданствъ — цѣлыхъ два.

Домъ — дворець, а на верандѣ
Зимній садъ и ресторанный.
Первый паспортъ — въ фатерландѣ,
А другой — въ участокъ сданъ.

И душа, и сердце — жестки,
Всѣхъ задавить, все сожметъ,
Но на каждомъ перекресткѣ
Объ отечествѣ оретъ.

— Што-съ? О, Russland... Съ этимъ домомъ
Самъ я фирось и сэмья! —
А при встрѣчѣ со знакомымъ,
Шепчетъ: «Russische свинья»... —

Нѣтъ конца его запасамъ,
Изъ подваловъ залежь претъ,
Но зачѣмъ-то въ бочкѣ съ квасомъ
Блещетъ сталью пулеметъ.

А когда въ мѣстечкѣ, рядомъ,
Слышенъ гулъ нѣмецкихъ бомбъ,
Самъ баронъ, съ горящимъ взглядомъ,
Ударяется въ апломбъ.

— Что-съ? Спасаться? Не позволю-съ!
Пусть приходятъ! Пусть возьмутъ!
Вѣдь Германия — не полюсь,
Тоже люди тамъ живутъ! —

Кто-то шепчетъ про измѣну.
Мелкота!.. Баронъ — какъ грандъ.
И отечеству на смѣну
Выползаетъ фатерландъ.

Дворня смотритъ очень робко,
Но баронъ — онъ внѣ бѣды...
Начинаютъ хлопать пробки,
Столъ — ломиться отъ ѣды.

Ночью кто-то подвѣзжаетъ,
Кто-то пьетъ, кричитъ и ржетъ.
Все шумитъ, баронъ сияетъ:
Потому что — патриотъ.

По какой такой причинѣ,
У барона — полкъ уланъ?

Какъ же... Первый видъ — въ Берлинѣ,
А второй — въ участокъ сданъ...

Арк. Буховъ.

СПОРТСМЕНЫ.

Работа подвигается медленно. Торопиться некуда. Солнце печетъ все сильнѣе и сильнѣе, поднимая съ пруда и зелени удушливый зной испарины. Чуть-чуть иногда пахнетъ вѣтеркомъ и послѣ него становится, кажется, еще жарче, еще душнѣе.

Съ горки, по зеленѣющему краю дороги, ведущей отъ барскаго дома къ пруду, спускается баринъ Василій Васильевичъ въ панамѣ, въ купальномъ халатѣ, съ серебряной мыльницей въ рукахъ. Онъ на минуту останавливается, смотритъ на плотину, на мужиковъ, потомъ сворачиваетъ съ тропинки, ведущей къ купальнѣ, и подходит ближе.

— Вы что тутъ? — кричитъ онъ мужикамъ.

Тѣ степенно отрываются отъ работы и низко кланяются. Отвѣчаетъ за всѣхъ Федосей, выходя впередъ, громко выкрикивая тонкимъ, гнусавымъ голосомъ и закрываясь рукой отъ солнца:

— Плотина вишь развѣхалась, вашъ благородій. Управляющъ-та твой вишь и скричалъ насъ нонѣ на работу, чтобы справить...

Барину пріятна распорядительность управляющаго. Онъ довольно улыбается, но тутъ же дѣлаетъ строгое лицо и поощряетъ работниковъ:

— Ну да... да. Знаю... Такъ вы ужъ тово... Хорошенько!..

Кучеръ Герасимъ позволяетъ иногда пофамиллярничать съ баринкомъ, такъ какъ по своимъ обязанностямъ стоитъ ближе къ его интимной жизни, и добродушно гудитъ басомъ:

— Стараемся, Василь Васильичъ... Только вотъ жара донимаетъ больно... Искупаться бы...

— Ну, и купайтесь...

— Да не велятъ намъ тутъ въ прудѣ-то, возлѣ купальни.

Барину становится немножко стыдно за такую классовую рознь между нимъ и мужиками, и онъ милостиво машетъ рукой:

— Ну скажите, что я позволилъ...

Но въ тотъ же моментъ ему приходитъ въ голову интересная мысль: искупаться вмѣстѣ съ мужиками и удивить ихъ своимъ искусствомъ. Въ прошломъ году въ Одессѣ на состязаніяхъ Купальнаго клуба онъ пробылъ въ водѣ четыре минуты тридцать шесть секундъ и побилъ установленный рекордъ.

— Давайте, ребята, вмѣстѣ... Я тоже тутъ буду купаться... — рѣшительно кричитъ онъ и подходит ближе. — Давайте-ка...

— Купаться, отчаво жъ не купаться, — вслухъ размышляетъ Федосей, — только штобъ управляющъ не лаялся... А то придетъ: «гдѣ, скажете, ваша работа?», да и почнетъ пилить... Не дай Богъ...

Баринъ не слышитъ и продолжаетъ:

— Да вотъ что, давай на высидки... Кто дольше въ водѣ будетъ сидѣть, а?

— Намъ чтой-то съ тобой равняться... — гнуситъ Федосей, — ты, извѣстно, вонъ каждый день плаваешь... А мы-то что? Онова въ недѣлю, да и то замѣстъ бани...

Но все-таки распоясывается и снимаетъ рубаху:

— Лѣзь и ты, Яшка... Ты молоденькой...

Герасимъ раздѣвается торопливо и гудитъ:

— Вы въ моряхъ, конечно, плавали... Тоже слышаны мы, — и медали брали...

Баринъ конфузится, довольно улыбается и вынимаетъ пятирублевую бумажку. Показываетъ ее, потомъ кладетъ въ панаму и бросаетъ на плотину:

— Пересидите — вотъ ваши будутъ... Идетъ?!

Мужики мнутъ, смотря то на воду, то на барина, то на деньги.

— Попытать можно! — взвизгиваетъ Яшка и отчаянно бултыхается въ воду.

— Ну, инъ попытаемъ, — вмѣстѣ говорятъ Федосей и Герасимъ и дожидаются на берегу, чтобы остыть, похлопывая себя по бедрамъ.

Баринъ раздѣвается, оглядываясь назадъ, кого бы позвать. Отъ дома къ конторѣ съ папкой счетовъ бѣжитъ конторщикъ Скакунковъ. Баринъ его знаетъ и кричитъ:

— Эй... Скакунковъ... Идите сюда, пожалуйста...

Барина поддерживаетъ Герасимъ и отчаянно реветъ:

— Лети сюда, Скакунковъ...

Скакунковъ еще издали снимаетъ фуражку и запыхавшись мчится подъ гору къ плетинѣ. Онъ съ двухъ словъ

понимаетъ въ чемъ дѣло, ухмыляется и беретъ въ руки пять рублей изъ панамы. А пока баринъ раздѣвается, шепчется съ мужиками:

— Пополамъ, что ли, робя?

— Извѣстно... Ты ужъ знай, свое дѣлай...

Охая и крестясь, пожимаясь отъ холодной воды, мужики идутъ въ воду... Баринъ идетъ ровно, спокойно и довольно улыбаясь:

— Ну, Скаунковъ, разъ, два... Считайте!

Скаунковъ дожидается, пока всѣ четверо не войдутъ и не встанутъ въ одну линію, достаточно далеко другъ отъ друга, помахиваетъ въ воздухѣ пятирублевкой и командуетъ:

— Разъ... Два... Три!

Баринъ чуть-чуть задерживается надъ водой и улыбается скрившимся подъ водой лохматымъ головамъ. Медленно набравъ въ грудь воздуха, онъ опускается на песокъ, въ темно-зеленую глубину пруда. Потомъ, вспоминая правила

экономики дыханія, начинаетъ мѣрно расходовать запасъ воздуха въ легкихъ и считать секунды.

Проходитъ минута.

Соя и задыхаясь, выплываетъ голова Ѳедосея. Скаунковъ даетъ ему передохнуть и машетъ рукой, хрипя шопотомъ:

— Садись, дура... Садись!

Ѳедосей торопливо дышитъ и садится.

Вытучивъ глаза отъ напряженія, поднимается Герасимъ, показывая только свою черную, большую голову, и смотреть на Скаункова. Потомъ также передыхаетъ и прячется опять. Яшка выныриваетъ откуда-то сбоку, какъ бомба, визжа и поднимая вокругъ себя снопы радужныхъ брызгъ.

— Не ори, чертенокъ! — шипитъ Скаунковъ.

Яшка пугается, тихонько дышитъ и опять ныряетъ къ плагинѣ. Сидѣть въ водѣ онъ не можетъ и только ползаетъ по песчаному дну.

Рис. Ре-ми.

Б Ъ Ж Е Н Ц Ы.

Баринъ не показывается.

Герасимъ и Федосей передохнули еще разъ, осторожно высовывая головы на поверхности, стараясь не оставить круговъ на водѣ; Яшка ныряетъ около плотины, то поднимаясь, то опускаясь ко дну, стараясь не шумѣть.

А барина все еще нѣтъ.

То и дѣло показываются опасно изъ-подъ воды головы. Скакунковъ методично машетъ пятирублевкой и хрипитъ:

— Садись, дура... Садись...

Ровно черезъ четыре минуты красиво поднимается изъ воды баринъ, улыбаясь и взвизывая вокругъ себя волнами и брызгами воду.

— Дураки, вѣрно, думаютъ, что утонулъ... Или полѣзли искать уже, или побѣжали домой сказать...

Улыбаясь, онъ протираетъ глаза и оглядывается на гладкую поверхность пруда, всколыхнутую имъ самимъ. Недоумѣвая, смотритъ на плотину, потомъ на берегъ, на Скакункова. Тотъ угрюмо и строго смотритъ на воду:

— Вотъ, Василь Василычъ, черти-то... Ну, ну...

Отъ плотины съ грохотомъ выныриваетъ Яшка и задыхаясь, не видя барина, бѣжитъ въ изнеможеніи къ берегу. Тутъ же сначала осторожно, а потомъ, при видѣ барина, шумно выскакиваетъ Федосей и начинаетъ пыхтѣть, протирать глаза, трясти головой, выливая изъ ушей воду.

А Герасима все еще нѣтъ.

— Не утопъ ли? — кричитъ Скакунковъ.

Баринъ обиженно тянется къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Герасимъ:

— Какого чорта я связался съ ними... Вотъ тебѣ и рекордъ...

Нашупавъ волосы кучера, онъ тянетъ его и вытаскиваетъ на поверхность. Герасимъ отряхивается и обижается:

— Вы чего же это? Коли сидѣть, такъ сидѣть до конца...

Баринъ конфузится и машетъ рукой:

— Не надо больше... Довольно!

И не оглядываясь идетъ торопливо изъ воды:

— Отдайте имъ, Скакунковъ...

На душѣ у него сразу становится пусто, безрадостно и скучно. Отъ обиды хочется заплакать, уйти поскорѣе, позабыть эту глупую исторію.

— Вотъ тебѣ и Одесса... Рекордъ... Четыре минуты... Связался тоже я, идіотъ...

А Герасимъ свертываетъ осторожно деньги и продолжаетъ ворчать, такъ, чтобы было слышно барину:

— Это чево жъ за волосья-то тащить! Это хотъ кого вытасишь... Сидѣть я могу, сколь хошь... А за волосья тоже не по правиламъ...

Баринъ одѣвается и, не оглядываясь, торопится подняться въ гору:

— Чай смѣются же, подлецы, надо мной...

Ему и обидно, и горько, и больно до слезъ.

А у самаго дома его нагоняетъ Скакунковъ и сочувственно говоритъ:

— Вотъ, Василь Василычъ, черти... Ну, черти...

Левъ Гумилевскій.

ПУСТЯКЪ У ОКИ.

Нѣжно говорилъ ей —

Мы у рѣки

Шли камышами:

«Слышите: шуршатъ камыши у Оки,

Будто наполнена Ока мышами?»

А въ небѣ — лучикъ сережкой вдѣвъ въ ушко,

Звѣзда, какъ вы хорошая, будто не звѣзда, а дѣвушка...

А тамъ, гдѣ кончается звѣздочки точка,

Мѣсяцъ улыбается и заверчень, какъ

Будто на небѣ строчка

Изъ Аверченко...

Какъ вы прекрасно картавите,

Только жалко Италію...»

А она: «Ну, зачѣмъ вы давите

И локоть, и талию!

Вы мнѣ мѣшаете

У камыша идти...»

В. М.

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятія рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные ответы на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Москва.

Борскому. — Слабо. Петъ Золотареву. — Карриатура плоха. Ник. Буеву. — Не подошло. Л. Слянскому. — Слишкомъ отрывочно. Пришлите рассказъ болѣе цѣльный.

Б. Провинція.

Кіевъ. — А. Д. — Къ сожалѣнію, стихи не подошли. Ананьевъ. — Автору разсказа „Впопыхахъ“ и стих. „Я усталъ отъ лекцій“. — Къ сожалѣнію, не подошло: темы затасканы. Ташкентъ. — М. Ф. — „Памяти друга“ — нецензурно, а „Посланіе“ — слишкомъ сантиментально... Въ пространство. — Эвгинусу. — Не подошло. — Старица, Тверск. губ. — Твердому знаку. — Не подошло. г. Бѣлополье, Харьк. губ. — г. Л. П—ову. — Пришлите другое стихотвореніе, поострѣе. Отдѣльные мѣста у васъ — не плохи. Ярославль. — Старому чорту. — Слабо. Вильна, — „Е. Ар. Ш.“ — Не подошло. Екатеринодаръ. — Тиграну Кирліану. — Возьмите тему поновѣе да поярче.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатирикозъ“.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА

Аркадія Аверченко:

„ЧУДЕСА ВЪ РѢШЕТЬ“.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ № „НОВ. САТИРИКОНА“

„О ВЗЯТКѢ“.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

ВЫТЯЖКА
ИЗЪ
СЪМЕННЫХЪ
ЖЕЛЕЗЪ
лабораторіи
Д. КАЛЕНИЧЕНКО

ПРИМѢНЯЕТСЯ ПРИ:
Неврастеніи, истеріи, невральгіи, старческой дряхлости, малокровіи, подагрѣ, артеріосклерозѣ, хронич. разстройствѣ питанія, общей слабости отъ тяжкихъ болѣзней и проч.

Отпускается изъ аптекъ по рецептамъ врачей.

Вытяжка изъ сѣменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ.

Гг. врачамъ сѣменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченко для наблюдений высылается **БЕЗПЛАТНО.**

ЛИТЕРАТУРА ПО ТРЕБОВАНІЮ
БЕЗПЛАТНО.

Одинъ флаконъ сѣменной вытяжки въ продажѣ 2 р. 50 к., пересылка — 40 к., пересылка свыше одного флакона — **БЕЗПЛАТНО.**

Адресъ: Органотерапевтическая лабораторія Д. Калениченко, Москва, Козловскій пер., д. 10, кв. 290.

ПРОТИВЪ ГОНОРРЕИ
Новѣйшее средство „**SALO-ПИЧИЛИНЪ**“
дѣйствуетъ быстро и считается рациональнымъ средствомъ. Наставленіе при коробкѣ. Настоящій только въ метал. коробкѣ по 1 р. и по 1 р. 80 к.
Одинаково хорошо дѣйствуетъ въ острыхъ и хроническихъ случаяхъ и въ короткое время устраняетъ самыя упорныя истеченія.
ДЕПО: Петроградъ, Разъѣзжая ул., 7, аптека Б. Конгейма.
Продается во всѣхъ аптекахъ по рецептамъ врачей. (27-ч. в.)
SALO-ПИЧИЛИНЪ

ВЪ СРЕДУ, 12 АВГУСТА,
вышелъ въ свѣтъ очередной номеръ
СЕМНАДЦАТЫЙ
„ЖУРНАЛА-ЖУРНАЛОВЪ.“

Въ № 17-мъ, между прочимъ матеріаломъ, пом.: Моя исповѣдь — Вл. Маяковскій. Книга, о которой говорятъ — Ник. Аешовъ, Кровь на литературѣ — И. Накатовъ, статьи и зам. И. Василевскаго (Не-Буквы), Л. Фортунатова, Арк. Бухова, В. Боцяновскаго, Евгенія Вѣнскаго и мн. др.
Редакторъ И. Василевскій (Не-Буква.)

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ
ВРЕМЕНИ ВЫЙДЕТЪ ВЪ СВѢТЪ

новая книга:
АРК. БУХОВА
„ЖУКИ НА БУЛАВКАХЪ“

Цѣна 1 р. 25 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

О хорошихъ въ сущности людяхъ.

7-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

КРУГИ ПО ВОДѢ.

16-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ.

6-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

САТИРИКОНЦЫ ВЪ ЕВРОПѢ.

2-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

ВОЛЧЬИ ЯМЫ.

3-е изданіе. — Цѣна 50 к.

ТЭФФИ.

ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ.

6-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

НИЧЕГО ПОДОБНАГО.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

И СТАЛО ТАКЪ.

6-е изданіе. — Ц. 1 р. 25 к.

КАРУСЕЛЬ.

3-е изданіе. * Цѣна 1 р. 25 к.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

ОСИНОВЫЙ КОЛЪ.

(На могилу зеленаго змія.)

Текстъ:
АРК. АВЕРЧЕНКО, ТЭФФИ,
А. БУХОВА, И. ГУРЕВИЧА.

Иллюстраціи:
А. РАДАКОВА, РЕ-МИ и
В. ЛЕВЕДЕВА.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

13 n. 51-1105/12

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВОЙНѢ.

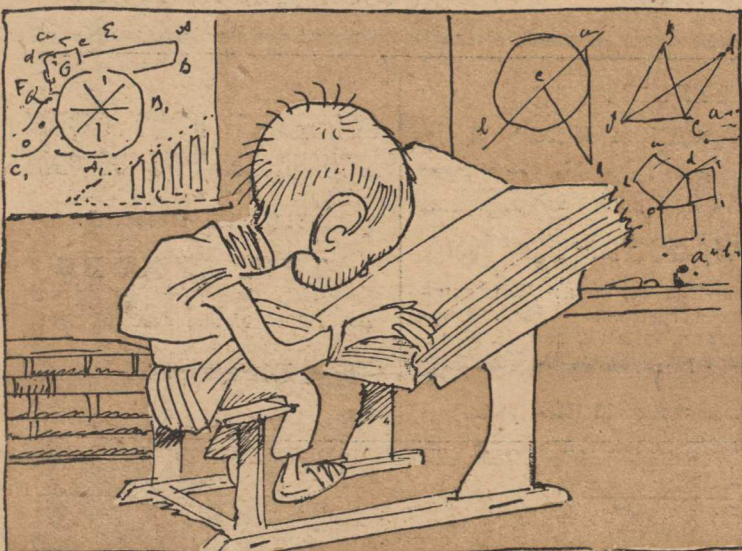
Рис. Ре-ми.

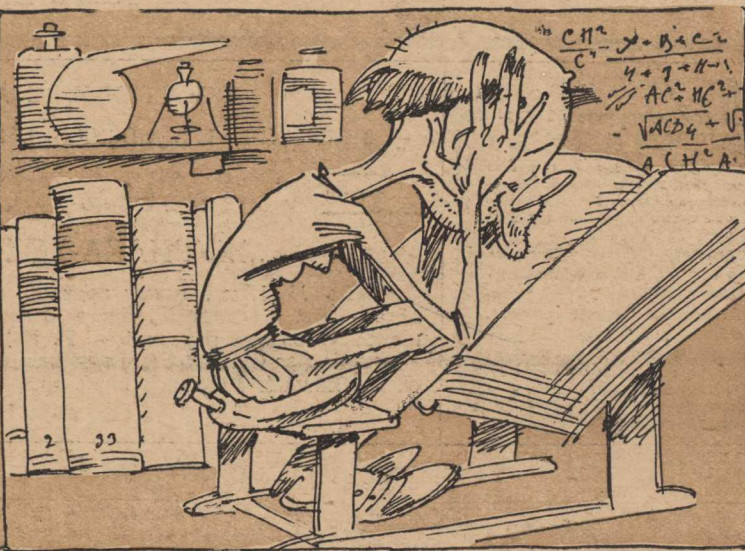
Въ древности было такъ: юноша, готовясь стать воиномъ, съ самаго дѣтства развивалъ свое тѣло, довольно мало думая о душѣ и умѣ.

Сильнымъ мужемъ получалъ онъ лавры за свои геройства, за свое великолѣпное пушечное мясо.

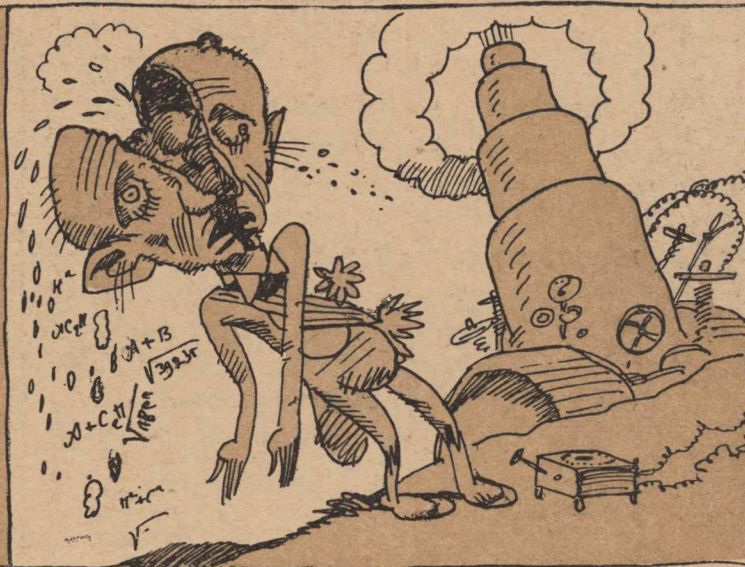
Теперь „воинъ“ сидитъ въ военномъ училищѣ до худосочія и аттестата.

Потомъ военная академія, экзамены на разныя ученые степени — однимъ словомъ, ученье до полной неврастѣни, сухотки спинного мозга и т. п.

Послѣ использования всевозможныхъ отсрочекъ и льготъ, ему приходится стать защитникомъ отечества. Лавры побѣдителя не столько прельщаютъ его, сколько царапаютъ ему лысину.

И его голова, набитая до послѣдней степени научнымъ фаршемъ, раскалывается, какъ спѣлая тыква, отъ звука сорока-двухъ-дюймового орудія, ибо она при-выкла къ тишинѣ библиотекъ!